

14 сентября 1944 года освободили Украину, и мы стали собираться домой. Деньги, которые присылал отец, давали возможность купить билеты в товарном вагоне. Некоторые люди выкупали вагон, а потом продавали в нём места. В нашем вагоне было несколько семей. В товарном вагоне сверху небольшое окно с решёткой, а посередине вагона раздвижные двери. Они раздвигаются в разные стороны. Туалет на остановках. По дороге раздвигали двери в разные стороны и держали человека с двух сторон за руки, чтобы он не упал. На стоянках набирали воду, покупали еду. Всё было сопряжено с волнением опоздать на поезд, т. к. народу было очень много.

В день отъезда у нас случилась беда. Слава Богу, что поезд из Саратова уходил ночью. Все вещи были собраны. В комнате стояли три железные кровати. По обочине одной я ходила и дразнила сестру. Вдруг я оступилась и полетела вниз и со всей силы прикусила язык. Хлынула кровь. Мама в это время выносила мусор. Когда она вошла, я была вся в крови и не могла вымолвить ни слова. В ту же минуту она схватила меня на руки и два квартала бежала до боль-

¹ **Жуковицкая Светлана Александровна** родилась в Днепропетровске. Окончила Вахтанговское училище в Москве. Драматическая актриса, служила в Иркутском ТЮЗе, Рижском русском театре, Ленинградском театре им. Комиссаржевской. Литератор. Была литературным секретарём Ирины Одоевцевой. Живёт в Санкт-Петербурге.

² Продолжение Начало см. журнал «На русских просторах» № 3 (46) за 2021 год.

Бабушка Деспина

ницы. В такие минуты непонятно, откуда берутся силы. В больнице мне зашили рану, но на языке осталась небольшая дыра. Со временем она должна была зарости. Обязательно каждодневное полоскание и протёртая пища. А впереди длинная и тяжёлая дорога. Как моя мать мучилась со мной, одному Богу известно. Ехали мы долго. Насмотрелись на весь ужас, что натворили фашисты с нашей землёй. Всё разрушено, сожжено. Вместо домов стоят печные трубы. В вагоне все плакали.

Ехали мы к бабушке Шуре в дер. Михайловка. Остановились у бабушки Мани в Днепропетровске. К счастью, сохранился её маленький домик. Это был островок,

где все всегда находили приют. Бабушка Маня нам обо всех рассказала. Бабушка Липа, как и до войны, так и когда немцы вошли в город, работала в больнице — санатории на Орловщине за городом. Она спасла многих, кто там скрывался. Сказала немцам, что в больнице много тифозных. Немцы тифа боялись, как огня. Конечно, она очень рисковала. Немцы могли проверить, но всё обошлось.

Бабушка Шура перед приходом немцев в город продала свой дом в Днепропетровске и уехала со всей семьёй в большое село Михайловка. Она надеялась, что там их никто не знает. Второй муж бабушки — Павел Ровенский — был евреем. У них была дочь Тамара, ей тогда было 14 лет. Бабушка за них боялась. Но всё же нашлись «сердобольные помощники». Когда немцы переписывали всех евреев в городе, им тут же сообщили, что вот такие-то жили здесь и уехали в Михайловку. Когда немцы заняли Михайловку, они тут же дедушку Павла арестовали. В тюрьме, чтобы закончить свои мучения, он бросился на охранника и был застрелен.

Тётя Аня, папина сестра, была замужем. Её муж, дядя Ваня, был директором школы. У них было двое детей: Виталик 7-ми лет и Галочка 5-ти лет. В присутствии детей дядю Ваню повесили, обвинив в связях с партизанами. А тётю Аню и тётю Тамару арестовали и увезли в тюрьму. Там они пробыли целый месяц. Их допрашивали, били, думая, что они что-то знают о партизанах. Ранним утром их повезли на расстрел. Вёз их молодой немецкий солдат. Когда выехали за село, он им приказал выходить. Они вышли, и он приказал им идти. Они шли и всё время ждали выстрела. По-

Бабушка Деспина
с дедушкой Николаем

маленькую тёлочку, которая выросла и стала давать молоко. Назвали её Ночкой, т. к. она была вся чёрная с белой звёздочкой на лбу. Она была очень драчливая и даже где-то сломала рог. Когда бабушка встречала её и вела через двор, все прятались. Коровье молоко быстро поправляло наше здоровье. Мы с сестрой с удовольствием бегали по улицам. Познакомились с местными ребятами, и они нас защищали от гусей и индюков. Домик у бабушки был небольшой, а народу с нами прибавилось. И мама решила снять для нас отдельное жильё. Она устроилась работать в исполком заведующей отдела многодетных матерей. Всё налаживалось в нашей жизни. Но бабушка очень обиделась, что мы ушли от неё. Характер у бабушки был властный. От неё натерпелись и её дочери тётя Аня и тётя Тамара, т. к. она всё решала сама.

Однажды ночью я проснулась от шума. Сестра спала, а мамы не было дома. В комнате было светло, т. к. ночь была лунная. Я подошла к окну и замерла. На поляне, перед нашим домом, в ночных белых сорочках плавно кружились люди. Кто-то играл на гармошке, кто-то пел. Среди них была и моя мама... Я вышла на крыльцо и позвала её. Увидев меня, она побежала ко мне и кричала: «Кончилась война! Кончилась война!» Когда она подбежала, я увидела, что она плачет. Она обнимала меня и всё время повторяла: «Доченька, война окончилась. Кончилась эта проклятая война»!... Так глубокой ночью на Украине, в селе Михайловка, я узнала о Победе. Украинские ночи чёрные, бархатные и море звёзд. Я посмотрела на небо и увидела, что луна улыбается. И мама всё плакала, улыбалась и повторяла: «Кончилась война. Кончилась эта проклятая война».

В селе Михайловка я пошла в первый класс. Тётя Аня моя учительница. Тогда в школу брали с 8 лет. Проучилась я немного и заболела. У меня был сильный бронхит, и я задыхалась.

том услышали сначала один выстрел, потом другой. Обернулись и увидели, что немец уезжает. Это как в сказке, но это правда. Бабушка Шура всю жизнь о нём молилась.

В деревне у нас началась новая жизнь. Все были нам рады. Когда освободили от немцев Михайловку, бабушка, как и мы, стала получать от папы деньги. Скопив их, она купила

Как-то утром, когда никого не было дома, пришла тётя Тамара, а с ней военный. «Светочка, это твой папа». ... Молчим, он растерялся от волнения, и я тоже. Я говорю тётё Тамаре потихоньку: «Пусть он выйдет, я оденусь». Встреча не получилась. Наверное, он мечтал о ней, ждал её. В мечтах всё не так, как в жизни. Папа привёз нам игрушки: обезьяну и слона. Это всё, что он мог тогда достать. Остановился он у бабушки, и она ему рассказала о своей обиде на маму. Шли дни, а мне становилось всё хуже и хуже. Мама от волнения забыла обо всём на свете. Я была серьёзно больна. Врачи поставили диагноз «туберкулёз бронхов и желёз» и дали направление в санаторий. Он находился в Пущеводицком бору, в окрестностях Киева. Надо было ехать в Днепрпетровск и собирать документы.

Мы, как всегда, остановились у бабушки Мани. Отец остановился у своего друга. Он получил направление в Болгарию. Он снял с нас мерки, чтобы заказать нам красивые вещи, и обещал сразу выслать вызов, чтобы мы могли приехать к нему насовсем. Мама собирала документы для моего лечения и продавала всё, что можно было продать, чтобы купить мне билет.

И вот случилось то, что не должно было случиться. Помню, мы были у бабушки Мани. Все сидели на кухне и обсуждали что-то важное. Все были чем-то взволнованы, а я бегала за кошкой через кухню из одной комнаты в другую. Мне несколько раз сделали замечание, но я не унималась. Когда я пробежала последний

Е.Н. Жуковицкая
(Удовенко)

Я в пять лет и отец

раз, с плиты слетела кастрюля, загремела и полетела на пол. Отец резко встал, взял меня за руку, отвёл в другую комнату и закрыл за собой дверь. Он стал снимать ремень. Я замерла от страха, даже не помню, ударил он меня или нет, но я так истошно закричала, что на мой крик прибежали мама и бабушка. Отец, молча, ушёл в кухню. От рыдания я не могла вымолвить ни слова. Страх, унижение, обида, всё вошло в мою душу. Я лежала на кровати и горько плакала. Бабушка достала из серванта подарок своего сына Ивана, фарфоровую куклу с закрывающимися глазами, привезённую из Германии, и положила её рядом со мной. Но моё горе было слишком велико, и я никак не могла успокоиться. Что-то непоправимое произошло в моих отношениях с отцом. Я не успела его узнать, как я его потеряла.

На следующий день мы с мамой шли по улице и увидели отца. Он стоял на другой стороне и ждал нас. Я не сдвинулась с места. Мама перешла дорогу, что-то ему сказала и вернулась ко мне. Потом, когда прошло время, я спросила у мамы, что она тогда сказала отцу. Она ему сказала, что страх убивает любовь, и это не метод воспитания. На это он ей ответил, что каждый воспитывает так, как воспитывали его. И мама сказала, что в её семье детей никогда не били, но это не значит, что их не воспитывали. Он ответил, что не собирался меня бить. Это были два разных мира. Конечно, всё, что тогда случилось, отложило отпечаток на отношения отца и матери в дальнейшем.

Часть осени и всю зиму я провела в санатории. Там я окончила первый класс. Мама часто мне писала, зная, что я очень скучаю. И вот, наконец, наступила весна, и я смогла вернуться домой. Но дома своего у нас никогда не было. В таком положении после войны находились многие. Нам было сложнее, т. к. с детьми никто не хотел сдавать комнату. Наша жизнь была «хождением по мукам». Мы переезжали с одного места на другое. Помню, где-то жили на окраине города у одной старушки. У неё была коза, и звали её Света. Когда мама звала меня, а хозяйка свою козу, прибежали мы обе. Хозяйка была добрая, но она заболела и попала в больницу, и нам велели искать новое жильё. Сестра была в садике на пятидневке, а мы с мамой бродяжничали, ночуя то у одних, то у других её знакомых. Потом нам повезло. В воинской части ушла в декрет секретарь-машинистка, и маму временно взяли на её место и даже выделили в общежитии комнату.

Однажды я играла с детьми на развалинах дома, и к нам подошёл пожилой немец. Пленные немцы тогда отстраивали зда-

ния, разрушенные войной. Немец улыбнулся, достал из кармана свистульки и стал нам дарить. Мальчик, что был с нами, не хотел брать свистульку. Он всё время отрицательно качал головой, а немец всё протягивал ему её. Потом положил свистульку в карман, улыбнулся нам и ушёл. Я спросила у мальчика, почему он не взял свистульку. Он ответил: «Этот немец моего батьку убил». «Почему ты думаешь, что этот немец убил?» — спросила я. «Какая разница», — ответил он. И тогда девочка, что была с нами, вытащила из кармана свистульку, размахнулась и забросила её подальше. Мне очень нравилась свистулька, но я её тоже бросила. И стало вдруг всем грустно. Мы стояли и молчали, нам не хотелось больше играть, и мы разошлись по домам.

Помню, как по городу вели пленных немцев. Народа собралась тьма. Все ждали, волновались, шумели, кто-то что-то выкрикивал. Все были в нервном напряжении. Вдруг показалась колонна. Она приближалась, и все сразу умолкли. Наступила мёртвая тишина. Я даже не представляла, что может быть так тихо при таком скоплении народа. Так, при полной тишине, колонна немцев прошла и скрылась, а люди стояли, молчали и не расходились. Они словно оцепенели... И злость за смерть близких, голод, разруху, всё, что так долго копилось в душе, исчезло, глядя на тех, что прошли перед ними. Потом постепенно люди стали расходиться. Я тоже пошла домой. За мной шли две женщины и одна другой все время говорила: «И столько горя, столько горя, столько горя». Она делала ударение на слове «столько». Она задавала кому-то вопрос и не находила ответа... В её голосе было отчаяние, боль и недоумение. И я до сих пор не могу забыть этот голос и как она это говорила!

Но, несмотря на все лишения — потери близких, голод, бездомность — все дышали оптимизмом. «Мы победили, всё наладится, нужно немного потерпеть». И жизнь постепенно налаживалась. В парках заиграли духовые оркестры. Открылись театры, библиотеки. Даже разрешили частное предпринимательство. У мамы была знакомая, которая дома делала мороженое и продавала на улице. Она нас всегда угощала. Ложечка мороженого, как шарик, а с двух сторон круглые вафли, за которые нужно держать мороженое. В городе на каждом шагу продавали газированную воду, стакан с сиропом стоил 3 копейки, без сиропа 1 копейку. Сиропы были разные и очень вкусные.

Отец, уезжая, наобещал нам «золотые горы». В Болгарии он был назначен начальником военного округа. Мы ждали от него

вызов. Но после того, как он вернулся с войны и не получил того внимания, о котором мечтал, в планах его всё изменилось. Где-то они опять встретились с Евгенией Михайловной и уехали на её родину, в город Белгород-Днестровский (бывший Аккерман). Ещё в начале войны она бросила своего мужа, главного прокурора города, и поехала за отцом на фронт. Где-то устраивалась жить и даже на передовую умудрялась приезжать в машине, в которой возили кинофильмы в воинскую часть. Она была старше отца намного, так говорила мама...

В 1943 году отец нас разыскал и прислал в г. Энгельс покаянное письмо. Просил у мамы прощения и клялся в любви. Писал, что когда идёт в бой, думает только о нас. И мама ему поверила, хотя у неё уже завязались отношения с замечательным человеком. Это Сергей — лётчик, я о нём писала. Они познакомились в госпитале. Выписавшись после ранения, он снова ушёл на фронт. Писал маме письма, просил ждать его, обещал любить маму и нас до конца жизни. Ведь он уже потерял семью и не хотел снова терять. Когда мама получила письмо от отца, она написала Сергею, что детям нужен родной отец, и прервала переписку. От него ещё долго шли письма, и мама их хранила. Но до конца жизни она сохранила только письма отца.

Бедная моя мамочка так мечтала, что после войны окончит институт, что у нас будет свой дом, своя семья... Алименты тогда не приходили по несколько месяцев. Отец писал, что не может устроиться на работу. Наверное, это было так. Но он же художник, и у него всегда были левые заказы. Дело в том, что в его жизни снова появилась Евгения Михайловна, и этим всё объяснялось. Часто мама посылала меня к бабушке Мане с запиской. Она просила одолжить немного денег до зарплаты. Я проводила целый день у бабушки, так и не отдав записку. Не знаю почему, я не могла отдать, не могла и всё. Маме говорила, что у бабушки денег нет.

Осенью сестра пошла в первый класс, а я в третий. Мама устроилась корректором в издательство. Нам помогли снять хорошую комнату в двухкомнатной квартире в центре города. В этой квартире жила женщина с 10-летним мальчиком. Муж у неё погиб на фронте. Это было самое благополучное время в нашей жизни. Но беда шла за нами по пятам. Когда мама получала зарплату, она покупала нам всяких гостинцев. Я её в такие дни встречала, и мы вместе шли домой. Так было и на этот раз. Когда мы стали подходить к дому, мама вдруг остановилась и сказала: «Сердце не на месте. Что-то случилось, пойдёшь вперёд и посмотри». Я завернула

за угол и увидела у нашей парадной много людей. Я поднялась на третий этаж. Дверь в квартиру была открыта. Наша комната была чёрного цвета. Я услышала, как люди говорили: «Слава богу, дети живы!» Это было главное. Я вернулась к маме, и мы пошли расхлёбывать беду.

А случилось вот что: сестра села делать уроки, но погас свет. Его отключали часто, и тогда мама наливала в лампу масло, подкручивала фитиль, чиркнув спичкой, зажигала лампу. Сестра решила сделать так же. Масло она не нашла и принесла с балкона бутылку с керосином и пыталась налить в лампу. Но так как было темно, она пользовалась спичками. В итоге уронила лампу, керосин попал на одежду, и она загорелась. От страха сестра бросилась в соседнюю комнату к мальчику. И этот ребёнок не растерялся, не думая о себе, обнял сестру, чтобы потушить огонь. Он спас её. Выбежать на лестницу дети не могли, т. к. дверь была закрыта с другой стороны, и они спрятались в кухне. С улицы огонь увидели сразу, взломали дверь и вызвали пожарных. Комната наша вся обгорела, и маме пришлось два года выплачивать деньги за ремонт. Главное, что дети были живы. Но самое главное, что есть такие замечательные люди, как этот мальчик, обладающий несказанным светом души, готовый в любую минуту прийти на помощь. И они этот свет проносят по всей своей жизни. Моей сестре тогда повезло.

Мы опять оказались бездомными. Надо было срочно искать новое жильё. Женщина, с которой мама работала, предложила сдать комнату в своей двухкомнатной квартире, где она жила с дочкой. Жили мы очень дружно. Прошла осень, зима, весна, и началось лето. К этой женщине приходил её друг Иван со своим товарищем Григорием. Это были два лейтенанта, военные фельдшеры. У мамы с Григорием начался роман. Закончилось лето, закончился роман, и мама осталась беременной. Конечно, мы ничего не знали. Начались проблемы с оплатой жилья. На маме висел огромный долг за ремонт квартиры. Она его должна была оплачивать каждый месяц. Алиментов опять не было. Впереди были мамины роды. Положение безвыходное. Мама написала отцу и просила нас взять к себе, пока она будет рожать. До этого отец часто писал, что любит нас и скучает. И сразу же ответил, что ждёт нас с нетерпением. Для нас это была трагедия. Мы ещё протянули время, почти до самых маминых родов.

Приближался отъезд. Ехать с нами должна была тётя Тамара, папина сестра. Утром мы приехали в Одессу. Остановились у род-

ственников тёти Тамары. У них провели весь день. Там была девочка, с которой мы играли в мячик. Маленький резиновый мячик был драгоценностью, т. к. игрушек тогда не было. Когда нас позвали обедать, мы побежали, и я его положила в карман курточки. У меня и в мыслях не было этот мячик присвоить. Поздно вечером мы уезжали, я совершенно о нём забыла и обнаружила его в поезде. Я тут же сказала об этом тёте Тамаре и, когда приехали, сказала отцу. Но он мне не поверил. А мама поверила бы. Я плакала, мне было очень обидно, и я хотела домой к маме. Этот мячик я отдала отцу и к нему больше не притронулась. Так он и валялся у нас.

Перед нашим отъездом мы сфотографировались с мамой на память. Я с нетерпением ждала от неё письма. Каждый день встречала почтальона и спрашивала «А мне ничего нет?». Я считала каждый день. И однажды на вопрос, нет ли мне письма, она ответила: «А ты разве не получила? Я вчера отдала для тебя письмо Евгении Михайловне». Когда мы сели обедать, я ждала, что мне отдадут письмо. Все молчали. Я повернулась к папе и сказала: «Скажи своей жене, чтобы она отдала мне мамино письмо». Евгения Михайловна выскочила из-за стола и ушла в свою комнату. Отец поднялся и ушёл за ней. Бабушка Шура жила тогда у отца. О письме она ничего не знала. Через несколько минут отец вернулся, отдал мне письмо и извинился. Е. М. к обеду так и не вышла. После этого случая все сделали вид, что ничего не случилось, и я стала спокойно получать письма от мамы.

Детей у Е. М. не было, она очень хотела с нами подружиться. Она сшила нам очень красивые платья. Каждый день, возвращаясь с работы, приносила нам по шоколадной конфете. Это стоило тогда очень дорого. Помню, мы шли с сестрой и с Е. М. по улице и встретили её знакомую, и та спросила: «Это ваши дети?». Е. М. с гордостью ответила: «Да, это мои дети!». Бабушка заискивала перед ней. Однажды она завела разговор о нашей маме и говорила плохо. Е. М. улыбалась, и я видела, что ей это нравится. Я сняла платье, которое она мне сшила, и бросила им. Пошла и надела своё платье. Больше таких разговоров при мне никто не заводил. Я тогда подумала: «Как им, взрослым, не стыдно говорить при ребёнке плохо о его матери...».

Осенью я пошла в школу в 4-й класс, а сестра во 2-й. С арифметикой я не ладила. Ждала, когда придёт с работы Е. М. и решит мне задачу. Отношения у меня с ней были равные. Она могла быть хорошей мачехой. Она очень хотела, чтобы мы остались у них навсегда. Но у нас была мама, и мы её очень любили.

От мамы пришло письмо. Мама писала, что родила девочку, и спрашивала, как её назвать. Я тогда только прочитала книжку про прекрасную фею Маргариту. Она была очень добрая и помогала людям. В честь неё люди вырастили цветок и назвали его маргариткой. Я написала, чтобы мама назвала сестру Маргаритой. Теперь нас у мамы трое. Мама писала, что бабушка Маня всё время навещала её в больнице, приносила передачи и нашла комнату, где согласились сдать с грудным ребёнком. Бабушка Маня была самая добрая из трёх сестёр. И я её любила больше, чем свою родную бабушку Шуру. Когда я уже работала в театре и летом приезжала в Днепропетровск, я её всегда навещала. Однажды, увидев у меня на платье иконку с изображением Богородицы, она мне сказала: «Это не украшение и не игрушка. Запомни, православные люди носят это на груди, а не напоказ — это для них святое». И я навсегда запомнила её слова и её доброту к маме и к нам.

Белгород-Днестровский (Аккерман) — чудесный город. По улицам растут деревья шелковиц с белыми ароматными ягодами и с чёрными сладкими. Всегда можно удалить голод. Много частных особняков с виноградниками. Мы тоже живём в старинном особняке XIX века. Две просторные комнаты выходят на парадное крыльцо. В небольшом дворике перед ним растёт туя. Очень красивая ограда вокруг дома. Ещё две комнаты выходят на хозяйственный двор. Одна принадлежит нам, а другая местной женщине. Жила она тихо, незаметно, и мы её редко видели. Хозяйственный двор большой, в центре двора огромное дерево белой шелковицы и погреб. Рядом с нашим домом жила семья военнослужащих. У них две девочки, наши ровесницы — Люба и Мила — стали нашими подругами, и мы больше не чувствовали себя одинокими. Нас с сестрой никуда не отпускали одних, кроме наших соседей.

Достопримечательность города — старинная крепость на берегу лимана. Существует легенда, что когда строили кре-

В Аккермане

пость, одна стена всё время обваливалась. И тогда в ней замуrowали молодую, красивую девушку, т. к. она была грешницей. Все эти рассказы в моём воображении рисовали картины, одна страшнее другой. В парке, как и до войны, в фонтане, плавают теперь уже одна золотая рыбка. Раньше их было три, а гномики сидят, по-прежнему, на том же месте.

В доме были всё время проблемы из-за денег: нас прибавилось три человека (бабушка и нас двое). Тётя Тамара жила отдельно. Длинные очереди за хлебом. Хлеб выдают по карточкам. Бабушка поссорилась с Е. М. Отец часто отсутствует, т. к. он замполит и его посылают в командировки. У нас с Е. М. отношения хорошие. Мы не мешаем жить друг другу.

Недалеко от крепости стоял деревянный частный дом. Летом во дворе стояла кровать, и на ней лежал мальчик. Мы с детьми ходили к нему в гости. Бабушка нас к нему всегда отпускала. Во дворе среди травы росли красные маки, они были очень красивые, и я боялась на них наступить. Такого я нигде больше не видела. Мальчик был очень весёлый. Он просто не мог ходить. Бабушка говорила, что он болен и может умереть. Но я в это совсем не верила. Мы собирались у его кровати, рассказывали разные истории, и он всегда смеялся с нами. А следующей весной его не стало. Бабушка сказала, что он теперь на небе живёт. И вечером, когда появляются звёзды, есть и его звёздочка. Я часто смотрела на небо и пыталась найти её. Но звёзд было так много, что это было невозможно. И теперь, когда я вижу красные маки, я вспоминаю весёлого мальчика из моего детства. И знаю, что на небе, среди звёзд, есть и его звезда.

Когда я училась во 2-м классе, нам на уроке читали «Серую шейку» и «Зимовье на Студёной» Мамина-Сибиряка, и весь класс заливался слезами. В 4-м классе на уроке нам учительница рассказала о Пушкине, о том, что во время ссылки он бывал в Аккермане, что у него были друзья, которые выступили против царя в защиту бедных и за это их отправили в Сибирь в крепость. Пушкин написал стихи и посвятил своим друзьям. И она стала читать стихи Пушкина так проникновенно, что её волнение передалось мне. Такие были замечательные слова в этом стихотворении: «Во глубине сибирских руд / Храните гордое терпенье, / Не пропадёт ваш скорбный труд / И дум высокое стремленье». Что-то огромное, возвышенное было в этих строчках. Они тревожили меня, и я всё время повторяла: «Гордое терпенье, гордое терпенье!». Во мне что-то изменилось. Я записалась в библиотеку и попросила

книгу Пушкина с этими стихами и выучила их наизусть. С этого времени я стала много читать и полюбила книги.

А в нашей жизни произошли перемены. Отца по работе перевели в село Софиевка на должность замполита. Нам выделили большой деревянный дом. Бабушка с нами не поехала и осталась в городе, т. к. она поссорилась с Евгенией Михайловной.

В Софиевке мы продолжали учиться. Это было большое живописное село. Центральная аллея была с двух сторон обсажена абрикосовыми деревьями. И когда они созревали, ими была усыпана вся земля. Это были самые большие и сладкие абрикосы, которые я в своей жизни ела. Но главной достопримечательностью этих мест была плантация роз. Она находилась в двух км от села, и мы с сестрой ходили на сбор лепестков. Денег нам не заплатили, но я не жалею, т. к. не везде можно видеть такую красоту. Вставать надо было очень рано, чтобы в 6 часов утра быть на месте. Солнышко восходит и начинает освещать всё вокруг. Лепестки на розах начинают оживать, на них дрожат капельки росы. Они медленно раскрываются, и воздух наполняется их ароматом. В это время их нужно собирать, пока они полностью не раскрылись.

Я тосковала по дому, по маме и часто уходила за околицу села. Там были балки, где птицы построили гнёзда, а наверху были старые деревья. Я забиралась на одно из них и смотрела на небо. Мне казалось, что где-то там, высоко-высоко, существует сказочный мир. Если набрать в лёгкие воздух, то какая-то неведомая сила поднимет меня, и я полечу. Но каждый раз я оказывалась на земле. Я стала тренироваться. Стала подпрыгивать и задерживать дыхание на несколько минут на высоте. И каждый раз паузы наверху были всё длиннее и длиннее. Но всё равно ничего не получалось, и я оказывалась на земле.

Потом, когда я уже училась в Москве в студии им. Щукина при театре Е. Вахтангова, на экзамене играла две сцены из пьесы Островского «Гроза». Играла Катерину, и в сцене с Варварой, в своём монологе, она говорит: «Отчего люди не летают как птицы? Мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела». Я очень удивилась, т. к. это было со мной. Я чувствовала всё так же, как Катерина. И многие, наверное, в юности чувствуют, как душа просится в небо. А потом это чувство уходит, и душа опять тоскует по небу. И сейчас, вспоминая об этом, я понимаю, что существуют два мира. Один мир реальный, в котором мы живём. Другой мир — Главный. Это мир нашей души. В нём звучат колыбельные песни

матери, в нём сохраняется наше детство, дорогие для нас люди, события. В нём живут Вера, Надежда, Любовь. В нём живёт Бог. И в этот мир мы будем возвращаться, чтобы глотнуть этот целебный воздух. А тогда этот божественный мир звучал в моей душе, был для меня в детстве единственным, реальным и главным.

Мы закончили школу, отца опять куда-то отправили по работе. Денег не было. Каждый день варилась кукурузная каша. И однажды произошло событие, изменившее нашу жизнь. Был вечер. Мы сели ужинать. Я всё время приставала к сестре. У Евгении Михайловны уже сдавали нервы от безысходной ситуации. Она хотела меня вытащить из-за стола, но я споткнулась и полетела к стене. И тут что-то сработало внутри меня, и я крикнула: «румынская морда». Даже сейчас, когда я пишу, мне стыдно об этом вспоминать. Я выскочила на улицу. Сестра побежала за мной. Уже был вечер, наступала ночь. Решили идти к бабушке в город. Это очень и очень далеко. Шли всю ночь, очень устали, немного отдохнули и опять шли. Было холодно, мы замёрзли, боялись волков, привидений, всякого звука... Днём пришли в город. Когда мы пришли домой, совершенно измученные, соседка сказала, что бабушка уехала в Астрахань к дочке Ане насовсем. Мы поплелись к тётке Тамаре. Но нас уже разыскивали. Е. М. связалась с отцом, и он заявил о пропаже детей. Через несколько дней мы вернулись в Софиевку. Нас никто не ругал. Просто у меня забрали книги, которые мне дарили. Подарки разве забирают? И при чём тут книги? Отец через несколько дней уехал, т. к. он находился на военной службе.

Тётя Тамара связалась с мамой. А в маминой жизни тоже случилось много событий. Она познакомилась с прекрасным, талантливым человеком. Он был врач. Он очень трогательно относился к нашей маленькой сестрёнке. По ночам вставал, когда она плакала, и носил её на руках, пока она не уснёт. Несколько лет как он ушёл из семьи, т. к. у его жены появился другой человек. Но там остался его ребёнок, по которому он тосковал. И он предложил маме поехать с ним в Бердянск, зная, что у нас там были родственники. Он врач, и у него проблем с работой не будет. Из Бердянска он часто может ездить в Ейск и видаться с сыном. Мама так и сделала. Она остановилась у тёти Лизы, жены брата бабушки Ивана Михайловича Чебаненко. Его давно не было на свете. Умер он от инфаркта в 32 года. У них было четверо детей. У каждого из них была своя семья. Лариса была агрономом и жила в Таганроге. Валентина работала учителем и жила с детьми и тёткой Лизой в Бердянске. Екатерина, как и наша Шура, в 1919 году уехала за люби-

мым в Париж. О ней никто никогда не вспоминал. Это было опасно в то время. Сергей Иванович после войны вернулся дважды Героем Советского Союза и продолжил дело своего отца, став директором знаменитого Краснознамённого Винсовхоза. Сергей Иванович помог маме устроиться на работу в Госбанк заведующей делами производства и получить служебную комнату. Казалось, что всё складывалось как нельзя лучше. Наверное, если бы мы остались жить у отца, то и в маминой жизни сложилось всё иначе. Я думаю, что перед мамой встал выбор. Она отказалась от своего женского счастья. Мне она сказала, что в семье произошло примирение. Может быть, и так. Но мама его всегда вспоминала и говорила о нём с большим уважением и с благодарностью, что он был в её жизни. На фотографии — это очень красивый, интеллигентный человек.

И вот в этот Бердянск мы должны были ехать. Мы ещё прождали в Софиевке, пока тётя Тамара рассчитается и получит деньги. Когда мы уезжали, Е. М. сказала, что она привыкла к нам и будет очень скучать, и мы можем приехать в любую минуту, если захотим. С отцом мы так и не простились, т. к. он был в отъезде.

В Днепропетровск мы приехали утром, и в тот же день вечером нас посадили на поезд под присмотр проводниц. На следующий день, в воскресенье, на вокзале нас встречала мама с сестрёнкой на руках. Ей было 9 месяцев, и она очень хорошенькая.

Отрочество. Город Осипенко (Бердянск)³

В этом городе прошли мои самые светлые и счастливые годы жизни с 5-го по 10-й класс. После войны город был переименован в г. Осипенко в память героя ВОВ, лётчицы Полины Осипенко. До революции это был модный курорт на берегу Азовского моря. Таким он и остался, только на время поменял название, но все по старой привычке называли его Бердянск.

Зная, что мы должны приехать, маме на работе выделили ещё одну комнату для нас. Живём мы во дворе Госбанка в служебном доме. Какое счастье, мы все вместе и у нас есть жильё! Весь день мы провели дома, рассказывая друг другу, как мы жили, и после долгой разлуки впервые безмятежно уснули, спокойные и счастливые. На следующий день мама отнесла сестру в ясли и ушла на работу. До начала занятий в школе ещё 10 дней, так что можно отдохнуть. Город расположен на берегу Азовского моря. Почти все

³ С 1939 по 1958 г. Бердянск назывался Осипенко в честь советской лётчицы П.Д. Осипенко. *Прим. ред.*

улицы города спускаются к морю. Это очень удобно, т. к. люди после работы идут отдохнуть на свой пляж.

В центре города огромный рынок. От него расходятся улицы в разные стороны. Это сердце города. Открыт он почти до вечера, и на нём всё можно купить, и продукты, и хозяйственные товары, и там же большая барахолка. Госбанк находится на углу рынка и центральной улицы города. За рынком Городской сад с всевозможными парковыми украшениями и Летним театром. Здесь проходят концерты, викторины, а иногда приезжие на гастроли театры играют спектакли. Напротив Городского сада, на другой стороне улицы, Дворец пионеров. Он станет надолго моим домом. За ним — через несколько кварталов — Дом культуры, куда я буду ходить, став постарше. За Домом культуры прекрасный огромный парк. В нём библиотека с большим читальным залом, кафе. В парке всегда играет духовой оркестр, а вечером работает танцплощадка. И парк, и главная улица города заполнены отдыхающими. Город хорошо освещён, и жизнь в нём не прекращается до утра. Многие улицы украшают деревья белой и розовой акации. Большие грозди цветов необыкновенной красоты наполняют ароматом всё вокруг. С моря несётся ласковый, прохладный ветер. Заканчивается улица пристанью с кораблями, маяком и главным пляжем. А если идти обратно к Госбанку, слева все улицы спускаются к морю. От Госбанка также идёт улица к морю. Через два квартала наша школа, а дальше через квартал море и чудесный пляж с нежным жёлтым песком, в котором утопают ноги. Потрясающий берег моря постепенно уводит вас на глубину изумрудной воды. А где-то далеко-далеко отдыхают на якорях корабли. За вашей спиной, поодаль, стоят частные деревянные домики. Они, как длинный забор, отделяют пляж от города. Вот сюда я буду приходить все 5 лет в свободное время.

Дни до школы пролетели очень быстро. Я записалась в библиотеку. Первой книгой, которую мне выдали, был роман И. Тургенева «Вешние воды». Я его проглотила за несколько дней и стала читать подряд все книги Тургенева. А потом — по рекомендации библиотекаря были Флобер, Бальзак, Мопассан, Гюго. Это была прекрасная литература, открывавшая передо мной фантастический мир любви.

Я записалась во Дворец пионеров в театральный коллектив. Занятия начнутся осенью. За день до занятий нас собрали в школе. Новеньких познакомили с классом и рассадили всех по партам. Меня посадили на первую парту по среднему ряду с девоч-

кой. Нам выдали учебники. Вещи мы оставили в классе и пошли в школьный сад сажать деревья. Я посадила липу. Это моё дерево, и я за него отвечаю. Домой я пришла очень счастливая.

Начались занятия в школе и во Дворце пионеров по субботам и воскресеньям. Взяли пьесу «Снежная королева», и мне поручили роль Герды. Я была на «седьмом небе» от счастья. К репетициям относилась очень серьёзно. Мама освободила нас от всех обязанностей. Ей так хотелось, чтобы мы были счастливыми и запомнили дни нашего детства. В школе тоже всё шло хорошо. Директор школы Иван Авдеевич Слисаренко преподавал математику. Он всегда носил военную форму. Был высокий, красивый и молодой. Наверное, совсем мальчишкой ушёл на войну. С математикой у меня не ладилось, но я старалась. Литературу преподавала Марта Калинниковна. Раньше она преподавала в гимназии. Это был человек высочайшей культуры и знаний. Меня она любила, но ругала, что я читаю на уроках. Под партой у меня всегда лежала книга. Мне было не оторваться от того мира, в котором я пребывала, читая тот или другой роман. По её предмету у меня были одни пятёрки. К каждому празднику в школе проходили вечера, к которым мы готовились очень серьёзно.

Зима пролетела так быстро, что я и не заметила. Во Дворце пионеров всю зиму шли репетиции. А весной состоялась премьера спектакля «Снежная королева». Спектакль имел огромный успех. Меня все поздравляли. И ещё радость — я закончила 5-й класс с похвальной грамотой.

А вот весну не заметить было невозможно, т. к. на Украине она особенная. Вы можете наблюдать весь процесс её прихода. Где-то в начале марта появляются первые проталины. Снег постепенно тает, и земля начинает дышать. Можно наблюдать, как от неё поднимается пар. Через какое-то время появляются почки на деревьях. Они со временем лопаются, и из них проглядывают малюсенькие, клейкие зелёные листочки. Они растут не по дням, а по часам. И над всем правит солнышко. Оно начинает припекать всё сильнее и сильнее, и весна плавно переходит в лето. Люди всегда ждали весну, т. к. она несла тепло и надежду. А послевоенные вёсны были особенные. Её всегда ожидали, т. к. каждую весну было снижение цен на продукты. Люди знали, что они это выстрадали, заслужили, и что страна помнит о них, было очень важно. Это давало уверенность в завтрашнем дне. Страна, разорённая дотла, залечивала раны и помогала людям. Маме выдали для нас на всё лето профсоюзные путёвки в пионерский лагерь...

В пионерском лагере была своя интересная жизнь. Масса секций, кружков — выбирай любой для души. Замечательные педагоги отдавали нам своё человеческое тепло, свои знания, свою любовь. В лагере была библиотека с большим выбором книг. Привозили для просмотра кинофильмы, проводились встречи с писателями, с участниками ВОВ. Конкурсы, соревнования, концерты, каждодневное купание на море, ночные страшилки, которые мы рассказывали на ночь друг другу, и, главное, дружба, которая рождалась между нами.

Город во время войны был оккупирован румынскими и немецкими войсками. Многих угнали в Германию. Кто-то вернулся, а кто-то там сгинул. И память об этом была ещё жива, и раны кровоточили. Поэтому люди так жадно бросились жить. Просто жить. Они с радостью отдавали детям своё тепло. Я это чувствовала везде: в лагере, в школе, в кружке и просто на улице среди чужих людей.

Летом город преображался. Начиналось цветение акаций. Масса отдыхающих заполняли улицы города, и какая-то беспечность, лёгкость и радость жизни царили в атмосфере этого удивительного, милого курортного города. Каждое лето приезжали на гастроли театры. Спектакли проходили во Дворце пионеров, т. к. там была хорошая сцена и большой зрительный зал. И нам, участникам театрального коллектива, разрешали все спектакли смотреть бесплатно. Один театр уезжал, другой приезжал — сколько же я пересмотрела спектаклей... Вот тогда-то я и увидела Папазяна⁴ в роли Отелло, когда Ленинградский театр приезжал на гастроли.

Осенью, когда разъезжались гости, начинались занятия во Дворце пионеров. Были не только детские коллективы, но был и театральный коллектив для взрослых «Народный театр». Там преподавали профессиональные мастера, окончившие театральные институты и приехавшие по распределению на работу. Да, это была самодеятельность, но был высочайший уровень культуры. В городе постоянно проводились конкурсы. Дом культуры пригласил меня участвовать в таком конкурсе. Я читала рассказ Горького «Мать изменника» и получила высший бал. В качестве поощрения я получила право смотреть все трофейные фильмы.

⁴ Папазян Ваграм Камерович (1888-1968), актёр, народный артист СССР (1956). На сцене с 1907 (Стамбул). В 1922–53 гастролировал с армянской и русской труппами по СССР и за рубежом. С 1954 в Армянском театре им. Сундукяна (Ереван). Прославился исполнением роли Отелло («Отелло» У. Шекспира). Цит. по Энциклопедический словарь. *Прим. ред.*

В оркестровой яме гостям ставили стулья, т. к. зрительный зал всегда был заполнен.

И чтение книг, и кружок, и эти фильмы обрушили на меня такой мощный поток эмоциональных впечатлений, наполнив мой внутренний мир чувством радости и тревоги одновременно. И так, незаметно, пролетел год. Моя жизнь неслась, как угорелая. Я всё время что-то репетировала. Праздников было много, и я всегда в них участвовала. Я много читала и жила в мире грёз и фантазий.

А в нашей жизни все сложности, в основном, были из-за денег. Жить на мамину зарплату секретаря-машинистки на 600 рублей вчетвером было невозможно. Продукты стоили дорого. Особенно основные — мясо, сливочное масло... Да, был маргарин очень ароматный, и он выручал. На рынке покупали куриные потроха, мелкую рыбу «бычок». Это стоило сравнительно дёшево. Мама, надеясь на алименты, тратила казённые деньги, выданные на марки для отправки почты. А потом с ума сходила в поисках денег, чтобы вовремя отправить письма. Сколько же её здоровья и жизни уходило на это. Мама была очень светлым, жизнерадостным человеком. Она любила жизнь, а жизнь диктовала ей свои условия. Утром на работу, прибежать на перерыв и всех накормить, после работы на примусе разогреть еду, всех накормить и снова приготовить еду на следующий день. И так день за днём... И жить всё время в страхе, что не придут алименты и нечем будет кормить детей. Так проходила её жизнь в борьбе за существование. Нас она старалась оградить от всех проблем.

Я не могу понять, почему запоминаются те или другие события, иногда совершенно незначимые, а всё остальное стирает память. Сколько в моей жизни было дождливых дней, но я запомнила один, и он остался в моей памяти навсегда. Был обычный день. Нас, несколько человек от школы, отправили выступить в винсовхозе. Директором знаменитого Краснознамённого винсовхоза был Сергей Иванович Чебаненко, мамин двоюродный брат. Я его тогда впервые увидела. Он был очень рад нашей встрече. Обо всём меня расспрашивал. После концерта я пошла домой. И тут случилось чудо. В воздухе запахло дождём, и он рухнул на землю с такой силой, что убежать от него было бесполезно, да мне и не хотелось. Воздух наполнился свежестью, и стало легко дышать. Я шла одна по дороге, а дождь меня догонял, перегонял, заглядывал мне в лицо, и я поняла, что он играет со мной, что он живой. Мне стало смешно и весело. Я давно уже промокла, платье прилипло к телу, обувь я держала в руке, и с неё лилась ручьём вода. Вокруг ни ма-

шин, ни людей, только я и дождь. И вдруг ударил гром, и всё осветила молния, и я знала, что это всё для меня, во имя меня — это дождь пытался мне что-то сказать. Всё ярче и ярче сверкала молния, и раскаты грома гремели один за другим. А мне было так легко и радостно, и я не хотела, чтобы он прекращался. Я запомнила его на всю жизнь. Но я думаю, что дождь сам не ушёл от меня, а остался в моей памяти, как напоминание о том, что все мы связаны с этим миром невидимыми, духовными нитями.

Пролетел незаметно ещё один год, и мы снова с сестрой отправились в пионерский лагерь на всё лето. У моей сестры Тамиллы шла своя интересная жизнь. Она занималась в спортивной секции. Потом, став постарше, она будет прыгать с парашютом и участвовать в соревнованиях по плаванию. А младшая моя сестрёнка Рита пока ходит в детский сад, и у них там своя жизнь. Жили мы легко и свободно, несмотря на все сложности, словно летели по воздуху. Тогда все так жили после войны.

Мимо нашей школы шла дорога на гору на кладбище. Другой дороги не было. Сидим на уроке и слышим звуки траурного духового оркестра, а потом в окне видим траурную процессию. Учились мы тогда на первом этаже, и всё было видно. Все замирают в классе. И я уже не слушаю, что происходит на уроке. Я только думаю о том, что я не хочу, никогда не хочу умирать. Я хочу жить всегда, всегда. И можно считать, что урок сорван, т. к. все в классе сидят с отсутствующими лицами и о чём-то думают.

Однажды, возвращаясь из школы домой, я увидела траурную процессию. Тогда хоронили очень торжественно. На машине под звуки духового оркестра провозили покойника в открытом гробу по городу, чтобы он мог проститься с этим миром. За гробом шли с цветами близкие и друзья. Здесь же медленно шла лошадка... На подводе стоял гроб. За гробом шла старушка и мальчик, лет семи и больше никого... Я пошла за ними. В гробу лежала девушка, почти девочка неземной красоты. Она была похожа на ангела. У неё были светлые, волнистые волосы, и их шевелил ветер. Солнышко освещало её лицо. Она чему-то улыбалась. Казалось, что она просто спит и вот сейчас откроет глаза. Что-то грубое и несправедливое было в этой смерти. Ведь она была так красива и так молода. Придя домой, я думала о ней, о мальчике и о бабушке, таких одиноких. Потом забывала, а через какое-то время образ её снова всплывал в моей памяти и так и не забылся. Но смерть со временем исчезла. В памяти сохранился светлый образ ангела. Впоследствии, когда я читала стихи И. Мятлева «Розы», в памяти всплы-

вал образ этой девушки. И когда я читала рассказ И. Бунина «Лёгкое дыхание», я думала о ней. Всё повторяется в нашей жизни...

После седьмого класса в лагерь я не поехала, а записалась на всё лето в школу плавания. У нас был прекрасный тренер. Рано утром на берегу моря мы делали упражнения для рук и для ног. Потом в бассейне отработывали руки с шарами и ноги с доской. Со временем мы научились хорошо плавать. В море я влюбилась самозабвенно. Уплывала далеко-далеко туда, где стоят на якоре корабли. Держась за цепь, немного отдыхала и плыла обратно. Я научилась плавать в непогоду. Идёт на тебя большая волна, и ты ныряешь под неё. А там тишина и покой, и ты вытягиваешься, отдыхаешь, а потом делаешь рывок и продвигаешься вперёд. Выходя из волны, набираешь в лёгкие воздух и снова в море, в тишину и покой. Море стало родным, частью меня. В хорошую погоду я уплывала подальше от берега. Переворачивалась на спину, а над тобой бездонное синее небо, солнце, чайки, и ты — часть этого прекрасного мира. Я ныряла на глубину, набирала лечебную грязь, и море меня с силой выталкивало вверх. Глину я укладывала на голову и плыла к берегу. Там отдавала её отдыхающим. В море я чувствовала себя защищённой и никогда не испытывала страха. И, когда уезжала, в памяти оставался запах моря, шум прибоя и тоска по нему.

В моей жизни произошло сильное потрясение. Я опаздывала на репетицию и перебежала дорогу не по переходу. И тут я увидела летящий на меня грузовик. Какая-то неведомая сила развернула меня, и я, изменив направление, побежала по дороге, а грузовик оказался за моей спиной. Вся моя жизнь пронеслась в эти несколько секунд. Сильный удар в спину, и я отлетела на тротуар под ноги прохожим. Водитель вышел из машины и подошёл ко мне. От страха и ужаса он еле стоял на ногах. Я от испуга нервно улыбалась. Он выругался, сел в машину и уехал. Меня могло уже не быть. Кто-то спас меня снова. Такое не забывается. И я поняла, что существует «Высшая сила», и она руководит нашей жизнью.

Меня пригласили в Дом культуры для участия в новом спектакле. Моей партнёршей была такая же девочка, как и я. Звали её Лена Янышева. Мы подружились, и я стала бывать у них дома. У неё была старшая сестра. Во время оккупации, чтобы её не угнали в Германию, мама напоила её какой-то гадостью, чтобы она опухла. И, действительно, немцы её забраковали, и она была таким образом спасена. И я вспомнила, как в Энгельсе мы, голодные, плакали и считали себя самыми несчастными детьми на свете. Мама

нас успокаивала и говорила, что мы самые счастливые, т. к. свободные, у нас есть дом и мы все вместе. А несчастные те люди, которые оказались на территории, оккупированной фашистами. Они живут рядом со смертью, и она может наступить в любую минуту.

Это был удивительный дом. В комнате стоял рояль. Было много пластинок: А. Вертинского, П. Лещенко, В. Козина, много пластинок с цыганскими песнями. А я тогда только недавно посмотрела спектакль по мотивам рассказа Лескова «Очарованный странник». Где-то я прочитала, что цыгане раньше были птицами, но сильно согрешили, и Бог их спустил на землю. И они в своих песнях тоскуют по небу. Для меня тогда всё было открытием, и этот дом, наполненный музыкой, и люди, живущие в нём, пережившие столько горя, и забытые имена артистов, и песни, с которыми я уже не расставалась.

Сестрёнка часто болела, и маме приходилось брать больничный лист. На работе замены не было, и маме пришлось искать другую работу. Конечно, жаль было расставаться с домом, к которому мы привыкли. Мама устроилась на завод в канцелярию зав. делами производства. Нам дали в общежитии, в деревянном бараке, одну комнату 15 метров. Мы заказали 4 топчана и 4 матраса, наполненных сеном. У каждой стены топчан, одно окно, посередине стол, в углу печь. Зимой мы её топили, а летом на ней стоял примус, и мы на нём готовили. Мама была патологической чистюлей. В этих убогих условиях всегда на столе была белоснежная скатерть. Но главное, не было никакой трагедии. Мы в нашей жизни привыкли ко всему. И то, что случилось, восприняли как досадное недоразумение.

Только наладили быт на новом месте, как нас обокрали. Бог знает, кто это сделал, но кто-то взял на душу большой грех. Прожив там год, мы сделали в комнате ремонт. Все вещи, выстиранные и выглаженные, лежали на столе. Я долго была на море и пришла домой поздно, когда две мои сестры спали. Возле дома стояла мама со своей приятельницей. Увидев меня, она сказала «Не запирай дверь, я сейчас приду». На улице было очень душно, надвигалась гроза. Есть я не хотела. Быстро разделась и вещи положила на стол, а мокрый купальник повесила на перекладину стула. Свой матрас положила на пол, головой к входной двери, чтобы был сквозняк от окна. Я сразу же заснула. Вдруг меня будит мама. Из комнаты всё вынесено, даже мой мокрый купальник. И это при том, что три человека спали в комнате и ни один не проснулся. Чтобы всё это вынести, надо было перешагнуть через меня не-

сколько раз. В конце коридора, где была наша комната, было окно во двор, так что сработали быстро. Конечно, мы тут же заявили в милицию, но всё было бесполезно. Утром нам не в чем было выйти на улицу. Маме на заводе выдали деньги в счёт зарплаты. Она поехала на барахолку и купила нам одежду. И это тоже прошло в нашей жизни, как эпизод, и скоро всё забылось. Главное, был конкурс, на котором я должна была читать стихи М. Алигер, посвящённые Зое Космодемьянской.

Жили мы недалеко от вокзала, и я любила ходить туда вечером гулять. Начитавшись романов, моя душа тосковала. Я чего-то ждала. Сама атмосфера вокзала была наполнена волнением. Все куда-то спешили. Всё было необычно в это время. И мерцающий свет вокзала, и тревожный гонг, предупреждающий об отправке поезда, и гудок паровоза, и медленный перестук вагонов по шпалам, удаляющий последний вагон и тишина... Я оставалась одна и медленно шла домой. Дома меня всегда ждала мама и на вопрос, что со мной, она отвечала: «Доченька, ты просто растёшь».

Мы не были идеальными детьми, часто ссорились с сестрой. Я хотела верховодить, т. к. считала себя старшей, а сестра не хотела подчиняться. Мы и по характеру были разные. Я, придя домой, ещё от дверей начинала всё рассказывать, а сестра держала всё в себе. Мама была очень беззащитна и ранима. Кто-то должен был защищать её и сестёр. Я считала, что это моя миссия. Но часто я превышала свои полномочия. Сейчас стыдно об этом вспоминать. Помню, я читала роман Голсуорси «Сага о Форсайтах». Читала запоем всё свободное время. Уже поздно, всем утром вставать, а я не могу оторваться от книги. Меня просят потушить свет, я не разрешаю. Сестра встаёт и гасит свет. Я снова включаю. И так несколько раз. И начинается наша ссора. «Девочки, девочки, ну, пожалуйста, успокойтесь, вы разбудите сестру». И, действительно, сестра начинает просыпаться. Мы успокаиваемся, и скоро все засыпают. Дело в том, что боковых светильников тогда не было, а висела на потолке одна лампочка.

А вот ещё... Я тогда училась в 6-м классе. В то время многие девочки собирали открытки артистов. Я тоже стала собирать. Если мама мне давала деньги на мороженое, я покупала открытки. И вот как-то в книжном киоске я увидела две брошюры с фотографиями артистов Московского Большого театра. Издание было очень плохое, и стоили они очень дорого. Я стала у мамы просить деньги. Она сказала, что денег едва хватит до зарплаты. Я это и сама знала, но всё же ныла, умоляла, и мама мне деньги дала. Купила

я эту ерунду, но радости не было. Остался осадок на душе. Горько и стыдно вспоминать об этом, но это было. И, конечно, многое ещё всякого было. Но главное, мы любили друг друга и сумели сохранить это чувство на протяжении всей нашей жизни. Как много зависит от матери... Сейчас я думаю о том, что она понимала, как важно человеку знать своё прошлое, ведь у него в душе рождается ответственность за свои поступки. Тогда в Энгельсе после её рассказов я даже вести себя стала иначе. Мы уже не были одинокими, за нашей спиной была большая семья. Это не важно, что многих не было в живых, но они остались в нашей памяти, согретье светом и любовью матери, сумевшей это чувство сохранить, пронести по всей своей жизни и передать его нам.

В то время, когда я училась в 9–10-м классах, мы были ещё детьми. Никаких романов, не потому что они запрещались, а просто потому, что мы ещё не доросли до них. Помню, в 9-м классе пришла к нам новенькая. Звали её Маша. У неё был роман — дружба с мальчиком. Мы на неё смотрели, как на марсианку. Нет, мы её не осуждали, мы не понимали, для нас это было ещё всё впереди... Помню, как мама одного мальчика из нашего класса, когда меня видела, всегда говорила: «А вот моя невестушка!». Я, конечно, понимала, о чём она говорит, но совсем тогда не хотела быть ничьей невестушкой. Может быть, мы навёрстывали потерянное войной время. Не знаю, но мы были все тогда дети. К учителям относились с огромным уважением, вне зависимости, нравятся они нам или нет. О том, что кто-то мог повысить голос, непристойно ругаться, курить или пить — это не могло присниться даже в кошмарном сне. И это не потому, что кто-то не разрешал, а потому, что в голову никому не приходило. Прочувшись после школы четыре года в институте, я и там этого не видела. Мы вышли из нашего военного детства, и навсегда в сердце своём сохранили главные человеческие ценности. Наверное, потому поколение шестидесятников называют романтиками.

В 9-м классе я прочитала роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Старалась не пропускать страницы с описанием войны. Я думала об этих прекрасных людях, что жили до меня на этой земле.

Наступило лето... Моё последнее лето в этом городе. И я провела его на море. Осенью начался последний год учёбы. Тогда обязательное обучение считалось с 1 по 7 класс, и оно было бесплатным, а с 8 по 10 надо было платить за каждый семестр, т. е. 2 раза в год. Я думаю, что это были небольшие деньги. Но для нас они всегда были большие. И вот, когда оставалось полгода до окончания шко-

В 10-м классе

лы, денег мама не смогла достать. Я знаю, что она очень старалась и переживала больше, чем я. Мне пришлось уйти в вечернюю школу. Вечером я хотела спать, и прока от моего учения не было. И табель мой об окончании школы пестрел сплошными тройками. Денег на Москву, куда я собралась ехать поступать в институт, тоже не было. Весной я списалась с московскими вузами, и они мне прислали расписание экзаменов. У меня был всего месяц, чтобы заработать деньги на билет до Москвы. Я устроилась на завод маляром, где работала мама. На территории завода лежали трубы, и я их должна была красить. Работа была лёгкая и весёлая. Че-

рез месяц я получила зарплату, и мне её хватило на билет до Москвы и ещё немного оставалось на первое время. Я должна была остановиться у девочки, с которой познакомилась летом на море. Получила от неё ответ, что они с мамой ждут меня и обязательно встретят на вокзале. Билет куплен, и я еду в Москву.

Пролетели мои самые светлые и счастливые годы, согретые солнцем, морем, любовью всего мира, что окружал меня, самой лучшей матерью на свете, и наполнил мою жизнь светом и радостью.

«Детство часто держит в своих слабых руках истину, которую не могут удержать взрослые люди своими мужественными руками и открытие которой составляет гордость позднейших лет» (Джон Рёскин).

*Два чувства дивно близки нам — / В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века, / По воле Бога самого,
Самостоянье человека — / Залог величия его.* (А.С. Пушкин)